

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

В АРМЕЙСКИХ БУДНЯХ, В НАДЕЖДЕ НА БОГА
Часть 2

Составитель
Павел Либеранский

Заокский
2022

**ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ**

УДК 23/28

ББК 86.37

Л55

Вера и верность. В армейских буднях, в надежде на Бога : сборник, ч.2 / сост. Павел Либеранский. — Заокский : Источник жизни, 2022. — 832 с., илл.

Вопрос службы в армии был одним из сложных и испытывающих веру христиан во все времена нашей эры. С этой проблемой столкнулась во времена своего становления и Церковь адвентистов седьмого дня, глубоко изучая Священное Писание и данный вопрос. В этой книге изложены истории веры и верности тех братьев-адвентистов, кто вынужден был служить в основном в армии Советского Союза. Это были времена безбожия и богоборчества в атеистическом государстве, что являлось большим вызовом для верующих братьев, исполнявших воинскую повинность без всякой альтернативы.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-00126-221-3

УДК 23/28

ББК 86.37

ISBN 978-5-00126-221-3

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Источник жизни», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

	Предисловие	7
История 1.	Генерал, старшина, старослужащий — Божьи слуги ..	11
История 2.	Оставаясь верным Богу и Его Закону	47
История 3.	Боже, благодарю за суровую школу	51
История 4.	Солдат, Господь с тобой!	56
История 5.	Письмо, пришедшее вовремя	61
История 6.	Непростой, но прямой и честный путь.	67
История 7.	Если бы не Бог, кто знает, каким бы я был.	73
История 8.	Оставаясь верным заповеди за полярным кругом ...	80
История 9.	Я вам приказываю!	85
История 10.	В субботу труба не играет	92
История 11.	Ужасы войны и радость победы.	98
История 12.	Командир возил меня на богослужения	102
История 13.	Близнецы, солдаты, музыканты.	107
История 14.	Бог был благ ко мне!	120
История 15.	Свидетельство в больничных палатах	136
История 16.	Бог все слышал и видел	141
История 17.	Господь — мой помощник и щит	147
История 18.	Когда спросить совета не у кого — молись	162
История 19.	Мое обещание Богу.	178
История 20.	Мои армейские будни	191
История 21.	Библейский Даниил — пример верности для отца и сына	194
История 22.	Невинную голову и топор не рубит	214
История 23.	Господь хранил меня всегда	222

История 24.	Курсант, офицер, миссионер, пастор	233
История 25.	Рядовой Мориц! В субботу — по своему плану	245
История 26.	Но есть на небесах Бог	252
История 27.	Все должны быть такими стойкими	256
История 28.	Он уехал на Крайний Север вместо меня	258
История 29.	Адвентисты объяснят не хуже, чем в Греции.	263
История 30.	Негласный библейский учитель-капеллан.	265
История 31.	Судьбоносный год моей жизни	275
История 32.	Товарищ солдат, почему нарушаете Божью заповедь?	283
История 33.	Остановить произвол... ..	287
История 34.	Я буду молиться о вас, товарищ майор!	292
История 35.	Бог сохранил Свое слово для меня	299
История 36.	Ах, как годы летят... ..	306
История 37.	Господь был особенно близок ко мне	312
История 38.	Из Советской армии — в армию Христа	318
История 39.	Первое испытание — голодом.	325
История 40.	В субботу его не тревожить!	330
История 41.	В минуту жизни трудную	337
История 42.	Вербовка не удалась	346
История 43.	Два этапа моей армейской службы	360
История 44.	Трижды призванный	366
История 45.	Читаю Библию, товарищ подполковник!	392
История 46.	Надеющийся на Бога не будет постыжен	403
История 47.	Будь верен Богу даже перед угрозой ареста	412
История 48.	Я видел в армии промысел Божий.	416
История 49.	Крещение, армия, тюрьма и служение.	423
История 50.	Новый Завет и утренний страж из Москвы	429

История 51.	Новый Завет от замполита я носил у сердца	432
История 52.	Под защитой Его крыл.	444
История 53.	Я не присягал в армии	454
История 54.	Уроки армейской службы.	462
История 55.	Откровенно о себе и сложном времени	473
История 56.	Убеждения, которые дорогого стоят!	477
История 57.	Верить в Бога будешь дома	484
История 58.	Воин Христа в Советской армии	488
История 59.	Доверие и содействие ко благу	501
История 60.	В штабе, в стог сена и на космодроме	506
История 61.	Межи мои прошли по прекрасным местам	512
История 62.	У Бога все под контролем!	518
История 63.	Поговори с ним как верующий с верующим	521
История 64.	Где же Ты, Боже?	525
История 65.	Прочерк в военном билете	531
История 66.	Господи, спаси меня из этой бездны!	539
История 67.	Жизнь, связанная с армией, Богом и церковью	544
История 68.	Вместо Крыма — Чита	553
История 69.	Верность истине, достойная подражания	557
История 70.	Спасение от смерти и Божьи чудеса	561
История 71.	Танкист?! Нет, адвентист.	567
История 72.	Как благ Господь!	580
История 73.	Его незаслуженная милость ко мне.	593
История 74.	«Ангел», который меня поддерживал	609
История 75.	Не только верить во Христа, но и страдать за Него.	614
История 76.	Не оставлю Я вас, не забуду	623
История 77.	Я берег Библию как зеницу ока	631
История 78.	Спасительный удар в лоб	641

История 79.	Я буду молиться о тебе! Помни об этом!	650
История 80.	Чем ночь темней, тем ярче звезды.	657
История 81.	Бог все усмотрит	663
История 82.	Путь веры.	668
История 83.	Победа во время альтернативной службы	679
История 84.	Верность вознаграждается	684
История 85.	Я испытывал Его послушанием	689
История 86.	Время решений и переосмысления	693
История 87.	Оркестр, армия и верность принципам	703
История 88.	Через огонь испытаний	709
История 89.	Должно повиноваться больше Богу	733
История 90.	На пустынном острове	738
История 91.	«Если Бог за нас, то кто против нас?»	742
История 92.	Спасет ли тебя твой Бог?	746
История 93.	«Гаснет ли пламя в огне испытаний?»	749
История 94.	Каждый прожитый день учил меня доверять Богу ..	753
История 95.	Рядовой Семьин! Уволен в запас!	765
История 96.	Удивительные пути Божьего провидения	770
История 97.	Сынок, приведи в армии к Богу хотя бы одного человека	779
История 98.	Бог хранит Своих детей.	786
История 99.	И помни весь путь, которым вел тебя Господь... ..	799
История 100.	Следовать за Господом несмотря ни на что	810
История 101.	Как я стал верующим	814
История 102.	Самый маловероятный герой	823

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Он есть Бог живой и присносуущий, и царство Его несокруσιμο...
Он избавляет, и спасает, и совершает чудеса
и знаменья на небе и на земле.*

Дан. 6:26, 27

Библия повествует о том, что Бог всегда приходит на помощь человеку, который верно следует Его принципам, представленным в Священном Писании. В трудные времена над ним распростерты Божьи руки. Неусыпная Божья забота и руководство сопровождают его на каждом шагу. Бог – наш «скорый помощник в бедах» (Пс. 45:2). Чудеса Бог совершал не только в библейские времена, когда на помощь приходили ангелы, бесшумно открывались двери темниц, а вороны приносили пищу. Как и в прошлые времена, сегодня Бог по-прежнему верен Своим обещаниям. Все, кто верит в Него как в Бога живого, кто служит Ему и к Нему обращается в минуты испытаний и трудных обстоятельств, могут полностью на Него положиться.

В этой, уже второй, книге представлены реальные истории, написанные теми, кто, оставаясь верными Богу и Его Закону, не отказывались честно служить своей земной Родине, будучи призванными в армию или проходя альтернативную службу. К службе в армии можно относиться по-разному, но те, кто написал эти истории, считают ее школой мужества, в которой, несмотря на стесненные обстоятельства, они не только окрепли в вере, но и сумели засвидетельствовать о спасающем Боге своим сослуживцам. Хорошо это выразила в стихотворении Полина Гуранкова:

*Уроки мужества прошел мальчишка,
Пусть нелегко, но отстоял свое.
И ни одна написанная книжка
Не объяснит армейское житье.*

И на самом деле, сложно передать словами остроту момента, глубину доверия Богу, твердость воли христианина-солдата. Невозможно объяснить, откуда появлялись силы, нужные слова, мужество, когда в одиночку приходилось держать ответ перед властными командирами, в руках которых была твоя судьба долгих два года. Только Бог! Только Его провидение, помощь и прямое участие!

В условиях безбожия, атеизма, угроз и морального прессинга молодые ребята в армии не только не утрачивали веру в Бога, но высоко несли знамя своей веры. Не страшась последствий за свою принципиальность и открытое исповедание религиозных убеждений, они полагались на то, что подлинным властелином всего является Господь. Их бесстрашие в отстаивании своих принципов жизни оказывало положительное влияние на сослуживцев.

Ни время, ни обстоятельства не могут потушить огонь веры в Бога. Так было всегда. Так будет и во времена настоящих и будущих трудностей и испытаний.

Благодарю всех, кто поделился своей историей, и желаю благодарным читателям утвердиться в стремлении несмотря ни на что достичь полноценной жизни в Боге.

П. И. Либеранский

В этом альбоме есть частичка моей жизни - это маленькая реликвия о днях проведённых в Солменной Аз-хазии. И даже через десяток лет, перед человеком прикоснувшимся к этим листам, возникнут и оживут тоска и радость, которые я испытал служа в Армии тоскую по дому. Возникнут и оживут бессонные ночи, подъёмы и тревоги - всё то, что, в себя включает Армия. Все это поймёт тот, кто прошёл всё это, а остальные только почувствуют суровость, жестокость, и вместе с тем необходимость школы мученичества для таких как Я.....

ГОДЫ МОЙ ДРУГ,
ЛЕТЯТ И ЛЕТЯТ, И
ДАТА СМЕНЯЕТСЯ ДАТОЙ
ОТКРОЕШЬ АЛЬБОМ И
ВСПОМНИШЬ ОПЯТЬ КАК
БЫЛ ТЫ КОГДА-ТО
СОЛДАТОМ.

ГЕНЕРАЛ, СТАРШИНА, СТАРОСЛУЖАЩИЙ — БОЖЬИ СЛУГИ

Адвентист должен хорошо знать Библию

Я был призван в армию поздней осенью 1988 года. По дороге из Кривого Рога в Москву я вспоминал, какие напутствия давали служители церкви, родители, что советовали друзья, уже отслужившие свой срок. Я знал, что в армии придется решать два основных вопроса — питание и суббота.

С питанием поначалу было непросто. Каждый раз приходилось выбирать, что же можно съесть. Иногда выбора не было вообще. Тогда я шел к окну раздачи пищи и просил дать мне порцию чего-нибудь без мяса или подливы. Первые недели вынужден был жить впроголодь. Но когда солдаты-повара из Узбекистана узнали, что я не ем свинину, сначала спросили, не мусульманин ли я, а узнав, что и в Библии написано про свинину как нечистую пищу, сначала удивились, а потом зауважали и стали оставлять мне кашу без мяса, а иногда предлагали мне еду, которую готовили для себя.

А вот с субботой было по-другому. Приехав в часть и познакомившись с офицерами моей роты, я понял, что им нужно рассказать о моих убеждениях. Но, видя, какое отношение у офицеров и старослужащих было к молодым солдатам, и понимая, какую реакцию могут вызвать слова верующего новобранца, только что перешагнувшего ворота воинского подразделения, я не решался говорить об этом в первые дни. Я ожидал, когда командир будет в хорошем расположении духа, чтобы подойти к нему и все рассказать. Но ни в первый, ни во второй день такого случая не представилось. Мне казалось, что вот на следующий

день это непременно случится, и я расскажу о своих убеждениях. Но все переносилось еще на день.

Вскоре настала пятница, дальше оттягивать было уже нельзя. Когда мы вернулись в часть, я сразу же отправился к командиру роты, но его на месте не оказалось. Мне пришлось долго ждать. Как быть? Солнце уже склонялось к закату, начиналась суббота, а я ничего еще не сказал офицерам роты, не предупредил командира. Когда я стоял в ожидании, меня заметил старшина, который все это время находился в казарме, оставаясь дежурным.

— Кого ты ищешь?

— Командира роты.

— Так его уже нет, сегодня же пятница, короткий день, он уже ушел домой.

Такого поворота событий я не ожидал. Как теперь быть?

— А зачем он тебе?

Я попытался ему объяснить, что я человек верующий, соблюдаю заповеди Божьи, в том числе и заповедь о святости субботнего дня. Суббота начинается с захода солнца в пятницу и продолжается до захода солнца в субботу. Это время приближается, и я хотел поговорить со своим командиром, чтобы он дал мне возможность святить этот день. Пока я все это рассказывал старшине, он слушал меня с улыбкой, а потом ответил: «Молодой человек, а ты вообще понимаешь, где ты находишься? Ты же уже не на гражданке, ты в армии, поэтому обязан выполнять все приказы командования. Давай иди, становись в строй».

— Не могу, товарищ старшина!

— Я не буду с тобой это даже обсуждать. Придет командир — говори об этом ему.

Я уже не помню, где провел вечерние часы пятницы, но мне было не по себе. Ведь была целая неделя, можно же было найти время для разговора с командирами, зачем каждый раз было откладывать? Что теперь делать, с кем я буду что-то решать?

Вечер пятницы прошел с такими беспокойными мыслями. Пока мы проходили курс молодого бойца, каждое утро начиналось с тренировки команды «подъем — отбой», и это продолжалось до тех пор, пока все не будут укладываться в нормативы времени. Так было каждый день, но начинать субботнее утро так я не был намерен, поэтому решил, что минут за пять-десять до подъема я встану, оденусь и тихонько выйду

из казармы, чтобы не участвовать в тренировках. А что делать дальше, я не знал.

Проснулся я где-то в 5:40 утра, до подъема еще оставалось минут двадцать. Я еще лежал, хотя можно было бы уже и подниматься. Хотелось еще минут пять-десять подремать, время же еще немножко есть. В это время я услышал, как за окном кто-то громко начал разговаривать и отдавать приказы, был слышно, как стучали солдатские сапоги, видимо, солдаты из других казарм куда-то бежали. А у нас все было тихо и спокойно, поэтому я и не спешил вставать. Вдруг за окном послышались то-ропливые шаги, кто-то вбежал в нашу казарму и отдал громкий приказ:

— Старшина, поднимай роту!

Это был командир нашей роты. Он был весь взъерошенный, чем-то напуганный

— А что случилось? — спросил старшина

— Немедленно поднимай роту, проверь обмундирование, чтобы все оно было подписано, чтобы у всех все было укомплектовано, воротнички чтобы были подшиты и сапоги начищены! В нашу часть едет генерал с проверкой, и об этом нам сообщили только сейчас, когда он уже ехал по нашему городу!

Тут же раздался громкий голос старшины:

— Рота! Подъем!

Все моментально вскочили и начали спешно одеваться. Вместе со всеми вскочил и я. Да что же это такое? Чего же я опять тянул до последнего? Я же мог подняться чуть раньше, выйти из казармы, а теперь...

Я быстро оделся и первым делом поспешил в кабинет командира.

— Разрешите войти? — спросил я, как было положено по уставу.

— Нет! Выйди! — резко прозвучало в ответ.

Я вышел. Меня заметил старшина роты, командовавший построением, и приказал стать в строй. Я попытался ответить, что мне срочно нужно поговорить с командиром роты.

— Так заходи и говори!

Я снова постучал.

— Товарищ командир, разрешите обратиться?

— Слюсарский! Выйди, я тебе сказал! Сейчас же стань в строй!

Я снова вышел. А старшина практически тут же приказал стать в строй. Я решил не отступать и ответил, что у меня очень важный разговор к командиру, и я не могу идти на построение.

— Заходи к нему или становись в строй!

Я снова постучал и зашел в кабинет. Такого разозленного командира я еще не видел. Он что-то искал на столе, на полках, перекаладывал папки с места на место, было видно, что его подняли по тревоге, и он даже не успел себя привести в порядок. Командир закричал на меня и приказал немедленно выйти из кабинета, на что я ответил, что не выйду. Он опешил, на секунду остановился в недоумении. Как это его посмел ослушаться новобранец, который еще и недели не прослужил в армии?

В этот момент я пытался что-то сказать, пояснить, но не мог подобрать необходимых слов. Как в такой нервной обстановке говорить о вере в Бога, о субботнем покое, о святости субботнего дня, о своих убеждениях? Это просто неуместно. Все мои попытки что-то пояснить обрывались криком командира. Я так и не смог ему ничего объяснить.

Командир сказал, что в последний раз приказывает мне стать в строй. Я вновь отказался подчиниться. После этого он вывел меня из казармы, приказал стоять на месте и ожидать его возвращения из штаба. А сам пошел докладывать командованию воинской части, что в его роте объявился военнотружущий, который отказывается выполнять приказы командира. Буквально через две-три минуты он вернулся за мной и приказал пойти в штаб, где меня уже ожидал замполит части.

Я шел и молился, просил у Бога прощения за то, что не воспользовался возможностями предыдущей недели, чтобы о своих убеждениях поговорить с командиром в нормальной обстановке, что дотянул до последнего дня. Да и сегодня утром тоже не поднялся пораньше, как планировал. Да и этот генерал... Ну почему он приехал именно сегодня, в субботу? Во всей воинской части такой переполох, все в движении, все куда-то бегут, к чему-то готовятся, на кого-то кричат. Разве не мог генерал приехать в другой день? Почему, Господи, Ты это допустил? Каким будет этот день, если он с самого утра так начинается? Я умолял Бога простить меня и смиловаться надо мной.

Да, я не такой представлял свою первую субботу в армии. Рой мыслей проносился в моей голове. Я шел следом за командиром в штаб и молился. Командир завел меня в кабинет замполита и ушел.

Мы остались вдвоем. Я впервые увидел замполита части, он оказался довольно молодым офицером, который сразу же задал вопрос:

— Рядовой, почему не выполняете приказ офицера?

Я начал ему рассказывать о том, кто я, во что верю и что для меня значит суббота. Он меня долго не слушал. Прервав меня, он стал рассказывать о том, что сейчас будет со мной делать.

— Знаешь, что такое гауптвахта?

— Нет.

(Гауптвахтой был бетонный куб с одной входной дверью. Без окна, без туалета, без места для сидения. Просто голые бетонные стены и пол.)

— На эту гауптвахту я тебя сейчас посажу, — сказал замполит. — Сегодня ты там будешь сидеть до самого захода солнца, а в следующий раз с захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу. И так каждую неделю. Если у тебя наберется больше 40 таких дней за год, я тебя уже не имею права отправлять на гауптвахту. Тебя будет ждать дисциплинарный батальон, побудешь там два-три года. А поскольку в году пятьдесят две субботы, ты точно попадешь в дисбат! А там ты будешь в субботу и на работу ходить, и в строю будешь стоять, гарантирую, будешь! Там с тобой никто так не будет разговаривать, как я с тобой здесь. А потом ты снова вернешься к нам, потому что время нахождения в дисбате не входит в срок службы. Ты все равно вернешься к нам отслужить положенные два года. А если и после дисбата ты что-то мне начнешь говорить о субботе, я открою уголовное дело и тебя просто посажу, имею на это право. Ты меня понял? Ну как тебе такая перспектива?

— Не очень.

— Так вот иди, становись в строй и не балуйся! И чтобы это был последний наш разговор!

— Не могу я, товарищ замполит, не могу!

Я ему пытался объяснить, что для меня мои убеждения — это серьезно, что не ищущу для себя какой-то выгоды или какого-то дополнительного выходного дня. Я пришел в эту часть служить, отдать свой долг Родине, как того требует закон, и согласен выполнять все приказы, которые не противоречат моей совести и моим убеждениям.

После этих слов тон офицера изменился.

— Слушай, молодой человек, а оно тебе надо? Тебе только 18 лет. Зачем тебе ломать свою жизнь? Зачем тебе эта судимость? Оно тебе надо? Ты далеко от дома, в другой республике, кто там будет знать, как ты проводишь субботу? Да отслужи ты тихонько, а вернешься домой — свяжи себе эту субботу как захочешь. Сейчас ни ты никому не говори, как ты здесь служишь, ни я никому не скажу. А я тебе помогу, чтобы все у тебя по службе сложилось хорошо. Мой тебе совет — не ломай свою жизнь в 18 лет. Договорились?

Я задумался. После такого напора и угроз это предложение выглядело куда заманчивее. А действительно, кто там узнает, что у меня здесь? Я два

года буду вдалеке от всех, замполит будет моим покровителем, все у меня будет хорошо... Но я отогнал эти мысли и с полной уверенностью заявил:

— Нет, товарищ замполит, я так не смогу. Моя совесть не позволит мне вести двойную жизнь. Нет, извините, я так не могу.

И в этот момент мы услышали голос дежурного по штабу:

— Генерал приехал!

Замполит засуетился. Ему нужно выходить и вместе с командиром части и начальником штаба встречать генерала. А куда девать меня? Я уже не успею покинуть штаб, ведь на входе стоит генерал.

— Выходи в коридор, — сказал замполит, — в кабинете я тебя оставить не могу.

Я вышел. Стою, молюсь. Три офицера быстро пошли ко входу приветствовать генерала. Через минуту вместе с генералом они пошли обратно, в кабинет командира части, который располагался в конце коридора, как раз напротив кабинета замполита. А рядом с кабинетом стоял я.

Видеть генерала рядом с собой — зрелище запоминающееся. Уверенная походка, невозмутимый взгляд, выглаженная форма, лампасы, награды...

Поравнявшись со мной, генерал бросил на меня взгляд и спросил:

— А кто это здесь у вас стоит?

Слово взял замполит. Он начал объяснять, что в часть прибыли молодые солдаты, а среди них оказался один верующий, который святит субботу и отказывается подчиняться командованию. Замполит сказал, что уже проводит разъяснительную работу и незамедлительно примет меры по искоренению подобного явления в Советской армии.

Генерал остановился, внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Верующий?

— Так точно!

Затем, обратившись к командиру части, говорит:

— Дайте-ка мне возможность самому пообщаться с этим солдатом.

А вы меня пока подождите.

Командир тут же предложил свой кабинет, куда вошли мы с генералом. А три офицера штаба остались стоять в коридоре. По мимике замполита мне показалось, что он был даже рад такому развитию событий. Зачем ему трепать нервы с каким-то строптивым военнослужащим, если генерал сейчас одним росчерком пера может отправить его куда подальше.

Войдя в кабинет и закрыв за нами дверь, генерал предложил мне сесть напротив, по другую сторону стола. От волнения мне сложно было

вообще что-то произносить. «Вот это денек, — думал я. — Неужели это все? Конец свободе?»

— Так ты что, верующий?

— Да.

— Какую церковь посещал до службы?

— Церковь адвентистов седьмого дня.

— Крещение принимал?

Я не ожидал такого вопроса. Откуда советский офицер такого ранга знает что-то об адвентистской церкви, что в ней существует обряд крещения и что я в таком возрасте уже мог его принимать? Я недоумевал.

— Принимал, товарищ генерал.

— Когда?

Я сказал ему, когда это было. Рассказать пришлось и где это было, и с кем я его принимал.

— Значит, адвентист? Адвентист должен хорошо знать Библию.

И он начал задавать мне вопросы, сначала простые, а затем довольно сложные, над которыми нужно было серьезно подумать. И на каждый вопрос он ожидал подтверждения из Библии с указанием места, где это записано. Вид у него был суровым, и я старался формулировать ответы максимально четко, хотя это давалось мне с трудом.

— Адвентист должен знать заповеди наизусть! А ну-ка расскажи мне эту заповедь, теперь эту...

Заповеди я знал, этому нас с детства учили в церкви. Я рассказал ему все заповеди без ошибок, но на этом экзамен не закончился.

— Адвентист должен знать дни Творения. Что было сотворено в пятый день, а что в третий?..

Я отвечал.

— А что было сотворено в четвертый день?

— Солнце, луна и звезды.

— А как они названы в Библии?

Вот это вопросы... Мне такие вопросы даже перед крещением не задавали. Разве можно дословно было знать всю Библию?

— Светила, — ответил я.

— Как я вижу, Библию ты знаешь. Можно сказать, экзамен сдал. Я поясню, зачем я тебе задавал так много вопросов. Видишь ли, по роду моей службы я регулярно посещаю воинские подразделения и часто встречаю солдат, которые называют себя верующими. Они обращаются с просьбами к командирам воинских частей, чтобы те дали им возможность иметь

выходной день, в который они раньше якобы посещали церковь. Но спустя время оказывалось, что они просто называли себя верующими. А может, когда-то и были ими, но в армии с их верой что-то произошло, и они на самом деле не те, за кого себя выдают. Поэтому я хотел лично убедиться, действительно ли ты верующий, адвентист, и знаешь ли ты Библию так, как должны ее знать адвентисты. А воинскую присягу ты будешь принимать?

— Нет, — ответил я.

— Почему?

— В тексте присяги есть слова клятвенного обещания беспрекословно выполнять все приказы моих командиров, чего я пообещать не могу.

Генерал задумался. Затем его тон изменился. Откинувшись в кресле, он начал мне рассказывать о том, что он знаком с Церковью адвентистов седьмого дня и уважает ее.

— Я нередко встречаю адвентистов в частях. Хорошие ребята. И я хотел бы, чтобы и ты служил так, как они. Я тебе вот что скажу. У тебя не будет проблем с субботой в этой воинской части, я дам соответствующее распоряжение твоим командирам. Но я тебя об одном попрошу: служи так, чтобы к тебе не было претензий, чтобы у тебя не было замечаний, чтобы ты самовольно не покидал расположения части. Отслужи два года, как образцовый солдат, отдай Родине свой долг по-настоящему! Можешь мне пообещать?

Я не верил своим ушам. У меня не будет проблем с субботой? Это возможно? Да я за это готов был на все!

— Конечно, товарищ генерал! Обещаю!

— Позови своих командиров, они уже заждались нас в коридоре.

Я вышел. Три офицера штаба стояли молча. Обратившись к ним, я пригласил их войти. Когда те вошли, генерал вышел из-за стола и, обращаясь к офицерам прежним строгим тоном, сказал:

— Слушайте внимательно! Этому солдату обеспечить нахождение в субботный день там, где он вам скажет. Не привлекать его в субботу ни к каким работам, ни к каким дежурствам. Одним словом, как он вам скажет, так и сделайте. Это приказ!

Затем, сделав несколько шагов в мою сторону, он протянул мне свою руку. Я робко сделал то же в ответ. Крепко взяв меня за руку и похлопав по плечу, он произнес:

— Служи, солдат!

Затем он пристально посмотрел на замполита, вроде бы чего-то от него ожидая.

— Разрешите выполнять? — тут же спросил замполит.

— Выполняйте!

Мы с замполитом вышли из кабинета в коридор. Он еще не понимал, что происходит, что от него требуется и что ему делать. У него было много вопросов.

— Куда тебе можно? Куда тебя вести? Где ты можешь быть в субботу?

Я и сам еще не успел сообразить, что происходит и где смогу провести субботний день. Тем более что я еще не был знаком со всеми помещениями, которые были в нашей казарме.

— Можно мне в ленинскую комнату? Суббота — выходной от занятий день, сегодня, наверное, там никого не будет.

— Точно, идем!

Мы вышли из штаба и быстрым шагом направились в сторону казармы. В это время вся воинская часть ровными рядами стояла на плацу. Командиры рот, взводов и отделений смотрели в сторону штаба, готовясь приветствовать генерала.

Нас увидел командир моей роты и быстро направился к нам.

— Ну что, товарищ замполит, куда его? — спросил мой командир.

— Быстро бери ключи и открывай ленинскую комнату! — на ходу бросил замполит.

— Не понял, какую еще ленинскую комнату? Я о Слюсарском спрашиваю.

— Сейчас же бери ключи и открывай помещение! Приказ генерала, слышишь?

Через минуту мы втроем зашли туда. Замполит еще раз уточнил, можно ли мне оставаться здесь и чем он еще может мне помочь. Но я за все его поблагодарил и сказал, что меня все устраивает, это самое лучшее место, где я теперь смогу проводить субботу. Командир роты оставил мне ключи и, не понимая, что происходит, вслед за замполитом вышел на улицу.

Я посмотрел в большое окно, которое как раз выходило на плац. Прозвучала команда «Смирно!», на трибуну поднялся генерал. Заиграл оркестр, колонны солдат торжественным шагом двинулись приветствовать важного гостя.

Я сидел в недоумении. Что это было? Что произошло за эти полчаса? Я не мог прийти в себя. От волнения даже не мог сообразить, где я и что

со мной. Я даже не знал, что сказать Богу. Господи, это что, реально? Я не на гауптвахте? Как это могло произойти?

А этот генерал.. Еще полчаса назад я задавал Богу вопросы. Зачем он приехал в нашу часть? Почему именно в субботу? Зачем он сделал такой переполох? Из-за меня, что ли? Да кто я такой? Неужели Бог мог направить генерала Советской армии в такую рань в воинскую часть, где служил я? Оказывается, может. Господи, прости за ропот, прости за промедление, за робость.

Я еще долго говорил с Богом. Мне никто не мешал. В тот день в ленинскую комнату никто не входил. Только дежурный по роте, постучав, позвал меня в столовую. Видимо, приказ генерала очень быстро стал известен всем командирам и сержантам моей роты. Генерал свое слово сдержал. С этой субботы моя жизнь в армии пошла другим путем. Господь был верен Своим обещаниям. И это было только начало.

Все содействует ко благу

Прошло несколько дней. На утреннем построении нашей роты присутствовал старшина. Как обычно, он проходил вдоль строя, осматривал внешний вид военнослужащих, проверял состояние обмундирования солдат. Сначала рассказывал о требованиях к военной форме, на какой период времени выдаются сапоги, китель и другие виды одежды, как происходит смена белья и когда наша очередь посещать баню. Затем, повернувшись к строю, скомандовал:

— Равняйся! Смирно! У кого красивый почерк — два шага вперед шагом марш!

Я сделал два шага вперед. Посмотрел налево, направо, никто больше из строя не вышел. Дальше прозвучала еще одна команда, теперь уже мне:

— Направо! В кабинет старшины роты шагом марш!

Я пошел в его кабинет, и следом за мной туда вошел и сам старшина. Он пригласил меня сесть за стол, подал мне бумагу, ручку и попросил написать какой-то текст. Почерк ему понравился, и он сказал, что ему нужна моя помощь в составлении ведомостей. После прибытия солдат каждому нужно было выдать полный комплект обмундирования, и ежедневного, и парадного. А теперь нужно составить список моих сослуживцев в алфавитном порядке, узнать у каждого размер одежды, обуви и головного убора. И затем на каждый вид обмундирования составить отдельную ведомость с указанием фамилий, имен и всех данных

каждого солдата с их подписями после выдачи. В нашу роту прибыло 120 новобранцев, и, чтобы составить ведомость на один вид обмундирования, нужно было несколько листов бумаги. А количество всех единиц, начиная от кокарды и до портянок, было немаленьким. Я понял, что мне придется сидеть днями и ночами, чтобы выполнить эту задачу, притом все нужно было делать или после работы, или в выходные дни. Меня это не обрадовало, а другие сослуживцы смотрели мне вслед довольно. Хорошо, что нашелся крайний, кому придется работать в то время, когда остальные могут отдыхать.

Я еще не до конца понимал, какой объем работы нужно выполнять, и невольно возникали вопросы. Почему мне, уставшему после ежедневных тренировок, марш-бросков и сдачи нормативов, нужно было еще часами сидеть в кабинете старшины и составлять список солдат, ведомость за ведомостью? И зачем я сделал те два шага вперед? Теперь же приходится писать до боли в руке, не останавливаясь, потому что каждый раз старшина напоминал, что ведомости нужны срочно и я его задерживаю. Потом он мне еще поручал пересчитывать все обмундирование, развешивать его в определенном порядке в огромных шкафах каптерки. В минуты коротких передышек я вспоминал, как меня, пятилетнего мальчика, мама заставляла писать буквы, выводить в тетрадке прямые и кривые линии. За год до школы я почему-то должен был уже уметь писать. Я еще тогда спрашивал у мамы, зачем мне это нужно делать сейчас, если только в первом классе все ученики начнут изучать правописание? Помню, как не все у меня получалось, помню те слезы, которые не успевал вытирать ладонью, и они падали на тетрадь, а написанные мною буквы расплывались на бумаге. Но мама была непреклонной, мне приходилось выполнять все ее ежедневные задания, и до поступления в школу я уже умел и хорошо писать, и бегло читать.

В очередной раз старшина вызвал меня утром. Дал задание и, как-то необычно улыбнувшись, вышел из кабинета. Я принялся в очередной раз составлять списки солдат. Когда каждый день и по многу раз пишешь фамилии одних и тех же людей, да еще и в алфавитном порядке, начинаешь запоминать, кто за кем. Так я тренировал свою память. Я начал составлять очередную ведомость, как вдруг за дверью послышался громкий голос командира, который объявил построение роты. Я собрался выйти из кабинета и пойти в строй, но старшина меня остановил, сказал мне вернуться на свое место и продолжить работу, а командиру роты он уже сообщил, что Слюсарский занят. Построение я наблюдал

из окна каптерки и сначала не мог понять, что там происходит, куда их всех готовят и почему так необычно экипируют. Оказывается, в плане боевой подготовки был марш-бросок на дальнюю дистанцию продолжительностью несколько десятков километров в одну сторону по сложной местности. Что собой представлял этот марш-бросок, отчасти стало понятно вечером. Я с трудом узнавал измученных, испачканных моих сослуживцев, еле волочащих ноги, держащих в руках противогазы и несших на плечах боекомплекты. Обессиленные, валясь с ног, они с трудом добредали до своих кроватей и, не говоря ни слова, падали на постель. А старшина, зная об этом марш-броске, решил меня пожалеть и оставить в расположении роты. Я был и рад, и удивлен. С чего это вдруг ко мне такое отношение? Я служу всего несколько дней, ничем еще не успел отличиться, разве что создал ряд проблем для командира роты и замполита части в прошлую субботу. В таком случае скорее стоит ожидать негативного отношения ко мне, а здесь такая забота... Такое же отношение с его стороны я заметил и в пятницу, ближе к вечеру. Его на выходных не должно было быть на службе, поэтому в пятницу, уходя, он позвал меня, незаметно дал ключи от каптерки и сказал, что по субботам здесь будет лучше, чем сидеть весь день за столом в ленинской комнате. Я этому был безмерно рад и благодарил Бога, что Он позаботился обо мне и о моем комфортном проведении субботы. Господь не переставал меня удивлять! Как же Он был благ ко мне!

На следующей неделе мы со старшиной поговорили уже по душам, и он, как отец, делился своими опытами армейской службы. Он рассказывал, как хорошо уметь что-то делать своими руками, в чем-то разбираться, уметь работать головой, быть специалистом в какой-то области. И на моем примере показал, как можно легче переносить все тяготы армейской службы, если умеешь хотя бы хорошо писать и хорошо считать. Тогда я вспомнил детство, мамины задания, и чувство признательности к своей матери наполнило мою душу. Плоды ее усилий стали видны сейчас, спустя многие годы. Тогда она говорила, что знания и умения никогда не будут лишними. Как она была права! Общаясь со своим старшиной, я в этом еще раз убедился.

Я больше никогда не находился в субботу в ленинской комнате, хотя и то место было для меня дорого. Вторую субботу я уже проводил в уютном кабинете старшины роты. Теперь мои сослуживцы немножко завидовали мне, что я так устроился. Я же понимал, что это не мои заслуги

и не дело случая. Есть Бог, Которому я однажды вверил свою жизнь, и теперь Он печется обо мне.

Здесь я мог читать маленькое Евангелие. Его мне на субботу дал мой друг, сослуживец, с которым мы были призваны в одно время и оказались в одной роте. Он был баптистом из Омской области. Книжица была совсем маленькой, размером со спичечный коробок, и вмещала только одно Евангелие от Иоанна, но для меня она была бесценной. Как он его смог пронести в воинскую часть, я мог только догадываться. Ведь по прибытии в часть нас, новобранцев, заводили в баню, там мы оставляли всю свою гражданскую одежду, принимали душ и на выходе получали новое армейское обмундирование. Что-то пронести в воинскую часть не представлялось возможным, разве только то, что может поместиться в сжатом кулаке. Именно так и попало это Евангелие в нашу часть. Недавно я увидел такое Евангелие в музее Церкви АСД в Буче, и воспоминания нахлынули на меня. Маленькая книжка была для меня бесценным экземпляром в тех условиях.

«Неисследимы пути Его!»

В один из дней до отбоя оставалось где-то полчаса. Солдаты моей роты находились в казарме и готовились к вечерней поверке. Все мы были уставшие, потому что физические нагрузки изматывали, а кто не был крепким и выносливым, те тяжело проходили курс молодого бойца. Тишину нарушил старослужащий солдат не из нашей роты, неожиданно зашедший в казарму.

— Кто сегодня из офицеров остается на ночь дежурным? — спросил он у дневального.

Из кабинета вышел старшина. Сегодня была его очередь оставаться на ночь в роте.

— Старшина, мне нужен сварщик, ненадолго. Только хороший сварщик.

— А что, в части мало сварщиков? Зачем тебе кто-то из молодых? — возразил старшина.

— В том-то и дело, что сварщиков много, а хорошего специалиста нет. Не могут они сделать одно дело, хотя работы там на несколько минут. Вот, пришел поинтересоваться, может быть, у вас кто-то есть?

— Ладно, сейчас узнаем. Рота, стройся!

Мы все вскочили со своих мест.

— Сварщики высокого разряда, два шага вперед шагом марш!
Я сделал два шага вперед, и больше никто не сдвинулся с места. Что, снова я один?

— Направо! В распоряжение сержанта Гебоса шагом марш!

Я нехотя пошел к выходу. Сказывалась усталость после напряженного дня, и никуда идти на ночь глядя уже не хотелось. Но что поделаешь? Приказ есть приказ.

Мы вышли из казармы на улицу. Было темно, мороз крепчал. Я спросил, куда мы идем, какая там работа меня ждет? Сержант шел молча, никак не реагируя на мои слова. Оно-то и понятно, он «дедушка», сержант, а я служу-то всего третью неделю. Негоже «дембелю» вести беседы с «духом». Но, подходя к КПП, я заволновался, ведь у меня не было никакого пропуска, меня не сопровождал офицер, как я могу выйти за пределы воинской части? На каком основании? У меня же нет совсем никаких документов. Об этом я пытался напомнить сержанту, но тот сказал, что я очень много разговариваю, задаю много вопросов и что мне лучше закрыть рот и идти молча. А что нужно будет делать, он мне скажет, когда будет нужно. Дальше я шел молча.

На мое удивление, ситуация на контрольно-пропускном пункте решилась быстро и так, как я вообще не мог себе представить. Подойдя к дежурному по КПП, сержант оттолкнул стоящего на посту солдата и, кивнув головой в мою сторону, сказал, что я иду с ним. Так мы оказались за пределами части и направились к заводу, который строили солдаты. Это был завод картофельного гранулята, порошка, который достаточно залить кипятком — и пюре готово. В 80-е годы это казалось диковинкой, ничего подобного на просторах СССР еще не видели. Это был первый в Советском Союзе завод, продукцией которого должны были обеспечиваться моряки на подводных лодках и космонавты. На этом заводе были огромные картофелехранилища, и в одном из них работала небольшая бригада старослужащих, которая взялась выполнить определенный объем работ при условии, что по окончании они смогут сразу демобилизоваться, уехав домой.

Огромное хранилище, куда мы вошли, было еще в процессе строительства, температура воздуха внутри не слишком отличалась от температуры воздуха на улице. Я был удивлен, увидев там большое количество молодых солдат, только что прибывших на службу в армию. Хранилище было похоже на муравейник, где на всех рабочих местах трудились эти новобранцы. А бригада «дедушек» в это время сидела в самом теплом

месте, возле электрического нагревателя. Но он протекал, вокруг него было много воды, некоторых уже побило током, и «старички» были обожженными и нервными. Было видно, что место утечки воды многократно пытались заварить, наварили большие «шишки», но каждый раз вода находила для себя все новые и новые пути. Нагреватель толком не работал, и обогреть помещение никак не удавалось.

Когда мы с сержантом подошли к сидевшим замерзшим старослужащим, на меня посыпался град угроз, что если я не заварю и не запущу в работу этот водонагреватель, то я целым отсюда не уйду. Вот это да... Зачем я снова сделал те два шага вперед? Сейчас время отбоя, я бы уже лежал в кровати в теплой казарме и отдыхал. Что это за новое испытание, для чего это мне допущено?

Что ни говори, а нужно делать ответственное дело. Изучив места утечки воды, я понял, что все, что было наварено до меня, нужно срезать, зачистить и начать делать все заново. Но для этого нужен дополнительный инструмент, которого там не было, и взять его ночью тоже было негде.

— Работай тем, что есть. Бери электроды, ими срезаешь, ими вари, делай что хочешь, но попробуй не завари! — кричали мне дрожащие от холода «деды».

На сварщика я учился до армии. В те годы в моем родном Кривом Роге все мои сверстники-адвентисты могли получить максимум среднеспециальное образование. Когда я оканчивал восьмой класс школы, меня предупредили, что, несмотря на мою неплохую успеваемость, меня в девятый и десятый класс школы не возьмут из-за моих религиозных убеждений. Не хотели в то время руководители школ портить себе статистику наличием верующих учеников. В музыкальное училище меня тоже не приняли бы, и в техникуме предупредили, что после двух-трех отсутствий на занятиях по субботам меня сразу отчислят. Единственный вариант — профессионально-техническое училище. А выбрать специальность сварщика мне подсказала мама, когда видела, что мой дядя Владимир Фисун (в будущем ставший пастором) хорошо зарабатывает и, как хороший специалист, в коллективе пользуется большим уважением, поэтому не имеет проблем с работой в субботу. Так мой выбор остановился на этой специальности.

Окончив училище, я получил повышенный четвертый разряд, пару месяцев до начала службы успел поработать на заводе в цехе сборки металлоконструкций. Да, некоторый опыт сварочных работ у меня уже был, но в этом картофелехранилище я даже не знал, с чего начинать, как

что-то делать одними электродами? Такие задачи решать мне еще не приходилось.

Мой Бог присутствовал и там, потому что мне удалось сделать то, чего не смог сделать ни один сварщик во всей воинской части, кого только удавалось найти до меня.

Когда тепло работающего ТЭНа начало распространяться по хранилищу, настроение солдат сразу изменилось, и один из присутствующих там «дедов» сказал сержанту, чтобы тот отвел меня обратно в часть и как следует отблагодарил. На обратном пути мой попутчик был уже расположен к разговору, расспрашивал меня, откуда я родом, где учился сварочному делу, и сам немножко начал рассказывать о себе и о прошедших годах службы в этой части. Когда он узнал, что я из Кривого Рога, то очень удивился, даже обрадовался:

— Так мы, оказывается, почти земляки!

— А ты откуда?

— Из Молдавии.

— А что, фамилия Гебос — молдавская?

— Наверное, с такой фамилией в Молдавии много моих родственников.

— А почему ты считаешь меня земляком?

— Так от моего дома до Кривого Рога около 300 км, я там несколько раз бывал, это совсем недалеко.

Войдя на территорию части я было повернул налево, в сторону своей казармы, но сержант меня остановил: «Мы сейчас пойдем в мой вагончик, я тебя должен отблагодарить».

Я его стал уговаривать отпустить меня, но он был настойчив и ничего слушать не хотел. Я пытался объяснить, что очень устал, что уже полночь, все отдыхают, и я тоже хочу. Но он не обращал никакого внимания на все мои просьбы.

— Ты за кого меня принимаешь? Ты думаешь, я могу тебя вот так отпустить, не отблагодарив? Нет, так не будет. Иди за мной.

Мы прошли мимо ряда казарм к той части нашего подразделения, где я еще не бывал. Там было несколько вагончиков, в которых собирались старослужащие. По пути сержант заметил кого-то идущего по плацу, подозвал его и дал поручение пойти во вторую роту, разбудить хлебореза и сказать, чтобы тот принес в его вагончик несколько батончиков. Потом зашел в какую-то казарму, разбудил повара и сказал принести в его вагончик масло, консервы, чай, сахар. От усталости я еле стоял на

ногах. Я попытался еще раз упросить его, говорил, что очень устал, что я не хочу есть, я не хочу пить, одно, что я хочу, — лечь спать. Ожидаемого результата мои просьбы не принесли, и я вынужден был покорно проследовать за ним по всему маршруту. Наконец мы зашли в теплый вагончик. Несмотря на позднее время, там было несколько солдат, земляков сержанта. Он их познакомил со мной, рассказал, как я им помог в картофелехранилище и что теперь он будет меня угощать. Я уже не сопротивлялся, только быстрее бы все это закончилось, и я оказался в своей кровати. Пока один за другим заходили солдаты и приносили нам продукты, мы продолжали общаться. Некоторые находящиеся в вагончике клеили в свои армейские альбомы свежие фотографии, другие пытались нащупывать на гитаре ноты популярных песен, кто-то сидел, пил чай и мечтательно рассказывал, чем он будет заниматься после возвращения из армии. Мы ели, пили чай. Кто-то достал домашнее вино, которое прислали из дома родители, и начал угощать собравшихся. Несколько раз мне предлагали выпить, но я отказывался. Через некоторое время все остальные были уже навеселе. Я подсказал держащему в руках гитару несколько нот известной песни, которые тот никак не мог найти на грифе. Мой сержант посмотрел на меня удивленно и спросил, откуда я знаю, как играть эту песню на гитаре. Я ему рассказал, что окончил музыкальную школу, потом играл в камерном оркестре и хорошо знаком с нотной грамотой, поэтому на слух легко подбираю ноты и аккорды.

— Так ты что, знаешь ноты?

— Знаю, конечно.

— А ноты для духового оркестра знаешь?

— Так ноты для всех инструментов одинаковы, просто некоторые духовые инструменты играют в разных тональностях.

— Так ты и на трубе сможешь сыграть?

— Могу. На баритоне.

— А до армии ты где-то играл в духовом оркестре?

— Да, в районном криворожском.

Он поднялся и сказал своим землякам, что мы с ним идем в оркестровую.

— Куда? — переспросил я.

— В клуб. В оркестровую комнату.

— А можно не сегодня?

— Нет, мы идем прямо сейчас. Поднимайся, идем.

Я не хотел перечить уже захмелевшему «дедушке» и поплелся за ним, с трудом переставляя ноги. Клуб был на другом конце части, возле штаба. По этой дорожке я уже ходил со своим командиром роты в то раннее субботнее утро, когда в нашу часть приезжал генерал. Теперь иду глубокой ночью в том же направлении. Когда же закончатся эти ночные похождения? Я так хочу уже лечь....

Щелкнул замок, затем выключатель, и мы оказались в залитой светом комнате. Вокруг было много духовых инструментов. Был и мне знакомый баритон, на котором, как оказалось, сейчас никто не играет. Баритонист перед моим приходом в часть демобилизовался.

— Возьми инструмент, сыграй что-нибудь, — сказал заинтересованно сержант.

Я взял баритон и начал играть по памяти какое-то произведение. Он одобрительно кивал. Потом начал искать хоть какие-то партитуры, чтобы убедиться, что я смогу играть по нотам.

— А почему тебя так удивляет то, что я могу играть по нотам? — спросил я.

— Потому что в нашем оркестре никто по нотам не играет, их никто не знает.

— А как же вы играете? — недоумевал я.

— На слух.

Моему удивлению не было предела. Игру оркестра я слышал каждое утро, но и представить не мог, что все музыканты — самоучки и могут так играть, совершенно не зная нот. Оказывается, все музыканты, кроме одного, были из Молдавии. Такого мне встречать еще не приходилось.

Тем временем мой ночной «поводырь» нашел где-то на стеллажах ноты и предложил мне играть по ним. Я начал играть, это оказался один из армейских маршей, которые оркестр обычно играл по утрам. Услышав знакомую мелодию, сержант улыбнулся и сказал:

— Все, мы берем тебя в наш духовой оркестр. Вот тебе ключ от входной двери, приходи завтра к семи утра, разыгрывайся, и на утреннем построении части уже будешь играть вместе с нами. Да, вот возьми себе яблоки, орехи, поешь. Это нам родители присылают из Молдавии, бери.

— Спасибо, давай уже утром, — сказал я. — Сейчас глубокая ночь, я хотел хотя бы несколько часов поспать.

— Ладно, отпускаю тебя, ты заслужил. И не забудь, завтра приходи к семи. А я с самого утра подойду к командиру твоей роты и скажу, что ты принят в состав духового оркестра нашей части, он тебя отпустит.

Я вышел из клуба и побрел в сторону своей казармы. В моей руке был ключ. Ключ от оркестровой комнаты. Комнаты, где я буду проводить все остальные субботы до самого «дембеля». Там у меня появится небольшая христианская библиотека, появится кассетный магнитофон, на котором я буду слушать христианские песни и записи торжественных богослужений. Я шел и вспоминал, что по этой же дорожке я шел пару недель назад из штаба, услышав от самого генерала, что в этой воинской части у меня не будет проблем с субботой. А теперь я иду с ключом от комнаты, где теперь все эти субботы и буду проводить. Вспомнился текст из Рим. 11:33: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!»

Сначала Он направил в мою часть генерала, который своим приказом снял все вопросы, где и как мне проводить субботний день. Затем Он побудил старшину, чтобы тот дал мне возможность в следующую субботу быть уже не в ленинской комнате, а в уютном кресле в его кабинете. А теперь вот этот не совсем трезвый сержант дал мне ключ от комнаты, которая станет моим своеобразным армейским домом, убежищем, местом общения с Ним и местом проведения святых субботних дней на все два года моей службы. А затем Он сделал так, что через несколько дней в оркестре появился еще один профессиональный трубач, одного со мной призыва, из Киргизии. Его поставили с самого начала службы шеф-поваром армейской столовой. А это, как я понял, и для того, чтобы в нашей оркестровой никогда не заканчивались консервы, масло, хлеб, а время от времени вечерами он угощал нас национальными блюдами в помещении столовой. Вопрос питания на все два года тоже был решен. Все Он предусмотрел! Велика мудрость Божья!

Литературный евангелизм

Прошло несколько месяцев армейской службы. Мне предложили стать руководителем духового оркестра, и в наш коллектив я пригласил моего друга Ивана, баптиста, который давал мне читать Евангелие от Иоанна. У него было хорошее чувство ритма, и играть на барабанах он смог с первого раза. Однажды, возвращаясь после утреннего построения части, к нам с Иваном в оркестровую комнату зашел замполит. Протянув руку, он поздоровался и спросил:

— Ребята, а у вас есть Библия?

Вопрос был неожиданным, и с какой целью его задавал политработник Советской армии, угадать было несложно. Но его тон был не таким, как обычно. Доброжелательная улыбка развеяла нашу настороженность, и мы сказали, что есть только часть Библии, одно Евангелие от Иоанна.

— А вы бы могли мне найти Библию?

Иван сказал, что его родственники сейчас выезжают в Германию, и он попросит их оттуда выслать нам Евангелие, а если получится, и полную Библию.

Офицер был сдержан в эмоциях, но все-таки решил с нами поделиться чем-то сокровенным. У него давно была мечта познакомиться с Библией не по рассказам руководителей, а лично. И сколько он ни пытался эту книгу где-то найти, все усилия оказывались тщетными. Об этой книге ему много рассказывали, на нее ссылались, но он ее ни разу не видел. В один из дней он вспомнил, что в его части служат верующие, и он решил обратиться с просьбой к нам. Только попросил никому о нашем разговоре не рассказывать.

Иван написал письмо родственникам, и через несколько недель на почту пришла бандероль из Германии. Когда почтальон принес ее в часть, мы сразу отнесли ее в оркестровую комнату и открыли. Там было три Библии, несколько Новых Заветов и много другой духовной литературы. По одной Библии мы решили оставить себе и одну подарить офицеру. Выйдя на территорию части, мы заметили замполита и решили сразу подойти к нему, чтобы сообщить радостную новость. Но он оказался в окружении других офицеров и дал нам знак рукой, чтобы мы его подождали. Нам так было приятно, что офицер такого ранга заинтересовался Словом и что он мечтает взять Библию, прочитать ее. Мы с нетерпением ожидали, когда же он освободится, нам самим очень хотелось как можно быстрее сделать ему такой ценный подарок. Библию мы завернули в газету, спрятали под китель, чтобы не вызывать подозрений, и стали вдалеке, ожидая. Как только офицеры разошлись, замполит сразу направился к нам. Мы осторожно развернули сверток и передали Библию в руки замполита. Он оторопел, не ожидав такого.

— Это она? Настоящая? Это и есть Библия?

— Да. Это настоящая Библия. И теперь она ваша.

На глазах у офицера показались слезы. Он трепетно взял Библию из наших рук и отвернулся.

— Ребята, извините, это чувства, и для меня это очень неожиданно. Что я вам буду должен? Сколько она стоит? Я готов любые...

Мы его остановили и сказали, что ничего не нужно, это подарок верующих людей, и пожелали, чтобы он не относился к Библии, как к талисману, но попытался вдумчиво ее исследовать. Он повернулся к нам и сказал, чтобы мы прошли за ним в штаб.

Снова штаб. Я здесь уже второй раз, но ощущения абсолютно другие. То, что я чувствовал в первую субботу, когда шел в штаб следом за командиром роты, и сейчас, следуя за другим командиром, — это были совсем разные чувства. Снова кабинет замполита части, но в нем я теперь не как провинившийся солдат, а как приглашенный самим хозяином этого кабинета. Офицер предложил нам сесть, а сам попытался найти место, куда же положить Библию. Затем он достал из сейфа пачку увольнительных записок, которые дают солдатам право выходить за пределы воинской части в выходные дни. На этих увольнительных записках уже стояла печать и подпись замполита. Он вытащил из этой пачки несколько десятков увольнительных и передал их мне.

— Эти записки дают вам право выходить в город. Вы можете это делать в любой день, главное, чтобы ко времени отбоя и вечерней проверки вы находились в казарме. Видите, печать и моя подпись уже стоят, вам только нужно будет самим поставить дату и время, когда вы захотите пойти в увольнение. Это пока все, что я могу для вас сделать. А когда возникнут какие-либо вопросы, обращайтесь в любое время, где мой кабинет, вы знаете, всегда рад буду вас видеть здесь.

Такого поворота событий мы не ожидали. Выйти в город — редкая возможность, которая удавалась особо отличившимся солдатам и то не чаще одного-двух раз в месяц на несколько часов. Выйти за ворота части и оказаться в городе — мечта для многих. И далеко не все такую возможность имели. А здесь — целая пачка увольнительных записок. Самим заполнять? Какое доверие должно быть к нам, чтобы мы не подвели офицера, все сделали четко, правильно и чтобы патруль в случае проверки ничего не заподозрил. Да, доверие нужно оправдать.

К тому времени я узнал, что в городке, где я служил, адвентистов нет, а Иван выяснил, что есть одна престарелая женщина, баптистка. Иногда из областного центра приезжает служитель, а с ним, может быть, еще несколько человек для проведения богослужения. Первый раз мы использовали наши увольнительные записки, чтобы разыскать и познакомиться с этой бабушкой. Это была добрейшей души женщина. Каждый раз она готовила нам особые блюда, старалась нас накормить и дать что-то с собой в часть. Я ей объяснил, что значит нечистая пища и почему я ее

не ем. После этого на наш стол она старалась подавать только ту пищу, которая разрешена Богом.

Иногда мы выходили в город, чтобы познакомиться с его достопримечательностями, что-то себе купить, получить посылку или бандероль от родных. Через некоторое время замполит поинтересовался, не закончились ли у нас увольнительные. Мы сказали, что этим не злоупотребляем, поэтому еще есть немало. Он сказал, что, когда закончатся, мы должны будем к нему зайти за новыми.

Прошло несколько месяцев. Я уже работал сварщиком на вышеупомянутом заводе. Начальник строительства подыскивал для сложных работ квалифицированных специалистов, и из числа гражданских, и из числа солдат. Кто-то рассказал ему обо мне как о хорошем сварщике. Начальник меня нашел, предложил выполнить пробное задание, чтобы посмотреть, как я это делаю. Затем сказал, что я подхожу, но для моего трудоустройства обязательно нужен диплом. Поэтому я написал домой письмо с просьбой выслать мне документ. Письмо пришло быстро, и я начал работать на строительстве завода отдельно от моей роты и жить совсем по другому расписанию. В казарму я приходил только ночевать. Точно так же сложились дела и у Ивана, он тоже работал сварщиком, только на другом объекте.

А еще со мной служил мусульманин, его отец был муллой или имамом, уже не помню. Каждый вечер в одно и то же время он брал прикроватный коврик и уходил за территорию части молиться. Он готовился после демобилизации служить в мечети. У него был Коран, и мы часто засиживались, беседуя на духовные темы о Всевышнем.

Однажды днем к нам подошел замполит и сказал, что у его начальника по политической линии скоро будет день рождения, и он раздумывает над тем, что же ему подарить. И ему пришла в голову мысль подарить Библию. И, извиняясь, спросил, можно ли найти еще одну книгу для его начальника. Бандероли из Германии приходили регулярно, нам присылали много Новых Заветов. Они были небольшого формата, и мы легко распространяли их среди солдат. А вот Библии приходили редко. После очередной нашей просьбы к нам пришла еще одна посылка из-за рубежа, и в ней была Библия, которую мы и отдали замполиту. Сколько было счастья в глазах офицера!

До конца службы не было такого дня, чтобы замполит, увидев меня на территории части, не изменил свой маршрут, не подошел ко мне и не поздоровался со мной за руку. Обычно солдаты старались не попадаться

ему на глаза и не могли понять, почему он так относится к двум солдатам из всей части. А все это было Божьим провидением!

Признаюсь, я частенько вспоминаю те годы. Бесценные опыты подарил мне Господь, которые оказали значительное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

А недавно я встретился с моим замполитом на просторах интернета. Нам обоим было очень приятно пообщаться, было что вспомнить.

— А помните ли вы, как мы с вами познакомились?

— Конечно помню. Помню и приезд генерала, и то, как вы подарили мне Библию. Я очень хорошо помню все два года твоей службы и очень рад, что в моей жизни были те годы. Тебя я запомнил на всю свою жизнь. И сейчас очень рад с тобой общаться...

Удалось мне выйти на связь и со своим старшиной, которому исполнилось 77 лет, и он уже давно был на пенсии. А ему еще кажется, что все это было недавно. И он прав. Действительно недавно...

«Тайный друг»

Прошли месяцы. В одну из суббот в нашу казарму вошел офицер, которого раньше мы в своей части не видели. По его погонам было видно, что он из другого рода войск. Отдав честь дежурному по роте, он сразу направился в кабинет командира. Через несколько минут дежуривший в ту субботу командир вышел из кабинета и спросил, не находится ли Слюсарский в расположении роты? Ему ответили, что меня нет, и он обратно зашел в кабинет к находившемуся там незнакомому офицеру. Я в это время был в оркестровой комнате, об этом солдаты и командир роты знали, но меня не стали вызывать, а рассказали мне о визите какого-то офицера позже, когда я появился в казарме.

Следующий раз этот офицер появился в будний день, когда все мы были в расположении роты. Он прошел через всю казарму в кабинет командира, ни на кого не обращая внимания. Через минуту из кабинета вышел командир роты, подошел ко мне и сказал, чтобы я зашел в его кабинет, а сам он вышел из казармы. Войдя, я увидел незнакомца, сидящего за столом, который точно не был офицером нашей части, и по его погонам было видно, что он из другого рода войск, но из каких, я не мог понять. Вроде бы все рода войск мы изучали, но таких знаков отличия я не запомнил. Офицер поднялся из-за стола, приветствуя меня рукопожатием, и предложил мне сесть на стул.

В начале нашей беседы он представился и сказал, что его задача — наблюдать за соблюдением закона о свободе вероисповеданий в воинских частях и помогать верующим солдатам в их нуждах. Он начал расспрашивать, как у меня обстоят дела с субботой, не имею ли я проблем с питанием, как ко мне относятся солдаты, не ущемляют ли мои права, не унижают ли мое достоинство как верующего человека.

Я даже не знал, что существует такая служба. Было очень приятно, что кто-то интересуется моей армейской жизнью и желает помочь мне служить, сохраняя свои убеждения. Я с удовольствием рассказывал о том, как решился мой вопрос с субботой, где и как я ее сейчас провожу. Рассказал и о взаимоотношениях с солдатами и офицерами.

— Вы знаете, — сказал я, — в этой роте я не единственный верующий, вместе со мной служит Иван из баггистской семьи, и в нашей части есть еще один его единоведец, Яков, тоже из Сибири, тоже немец по национальности.

Нас, верующих, в этой воинской части было трое, и я хотел этого офицера познакомить и с ними.

— Спасибо, — ответил офицер, — но со всеми я буду знакомиться лично. У меня в ближайшее время будет возможность приехать для знакомства и с твоими друзьями.

Я спросил, откуда он приезжает и где находится место его дислокации, он сказал, что в Брянске, в областном центре, и добавил, что время от времени будет приезжать и в нашу часть и интересоваться, все ли у меня хорошо. В случае возникновения каких-либо проблем он просил меня обо всем ему рассказывать, а он, в свою очередь, будет делать все, чтобы мне служилось легко. А если здесь мне будет трудно оставаться верующим, то он переведет меня в другую воинскую часть, в Брянск. Там созданы очень хорошие условия для таких, как я. В конце встречи он попросил, чтобы о нашем разговоре я никому не рассказывал, даже своим друзьям.

Все это время, пока мы беседовали, никто нас не потревожил. Командир роты в кабинет не возвращался, никто из его заместителей не заходил, и из сержантов никто даже не заглядывал. Затем я вышел из кабинета, а через несколько минут вышел и этот никому не знакомый офицер. Проходя по казарме, он ни на кого не смотрел, и даже проходя рядом со мной, не обратил на меня внимания, как будто мы с ним вообще незнакомы. «Тайный друг», — подумал я.

После этого общения у меня появилась уверенность, что все мои два года службы пройдут легко. Если Бог таким чудесным образом решил мои основные вопросы, то Он и дальше будет меня вести. Появление этого офицера было еще одним доказательством, что моя армейская жизнь налаживается, у меня появился еще один покровитель, и любые возникающие проблемы он поможет мне решить.

Когда в казарму возвратился командир роты, я ожидал, что он будет расспрашивать меня о нашей беседе с гостем, но он ни в этот день, ни в последующие дни даже не поинтересовался, о чем же мы разговаривали с тем офицером.

Через несколько дней я снова увидел этого офицера на территории нашей части, но в этот раз общения не получилось. Он то ли не заметил меня, то ли сделал вид, что мы незнакомы.

Следующая встреча произошла через несколько дней. Ко мне подошел один из офицеров моей роты и попросил зайти в кабинет командира. Войдя, я увидел моего «тайного друга» стоящим ко мне спиной и смотрящим в окно. Как он попал в кабинет? Как я его не заметил? И где снова командир роты, хозяин этого кабинета?

— Садись, Александр, садись, — вежливо произнес офицер. — Как служба? Что у тебя нового? Рассказывай.

Мне особо не было чего рассказывать. Служба постепенно входила в обычное русло, сегодняшний день похож на вчерашний, все по расписанию, по инструкции.

— Я хотел тебя расспросить о твоих друзьях, о верующих солдатах, — продолжал офицер. — Как у них проходит служба?

— Вы прошлый раз говорили, что с ними общаетесь лично. Не получилось?

— Да не хотел я отрывать их от дел. Мы с тобой уже знакомы, ты и сам мог бы рассказать мне об Иване и Якове. Вы же общаетесь?

— Да, конечно. Мы стараемся держаться вместе, хотя работаем на разных объектах. Мы — самые близкие друзья, поэтому каждый день общаемся и поддерживаем друг друга.

— Они что-то рассказывают о своей семье, о родственниках?

— Да, конечно. Я заочно знаком и с их семьями, и с друзьями, которые пишут им письма.

— Ты говорил, что они немцы по национальности. А не знаешь, есть ли у них родственники за рубежом?

— Да, есть. Как раз сейчас началась массовая эмиграция немцев из Сибири и Казахстана в Германию, и их родные уезжают туда на ПМЖ, а некоторые выехали раньше и теперь помогают приезжающим устроиться на новом месте.

— Да, интересные у тебя друзья. А сами они не планируют выезжать туда, не знаешь?

— Нет, не хотят. В Сибири баптистские церкви состоят преимущественно из переселенных немцев, и когда сейчас люди массово выезжают, церкви пустеют. А Иван и Яков озадачены, кто же будет продолжать служить в общинах, когда многие молодые и талантливые семьи выезжают за кордон. Они хотят после службы вернуться в свои села и поддерживать свои церкви.

— А общаются ли они с родственниками из Германии?

— Переписываются. И те присылают нам из-за рубежа духовную литературу.

— Очень интересная информация. Очень. Видишь, ты и сам смог ответить на мои вопросы, мне не пришлось отвлекать от службы твоих друзей. Им-то служить проще, они не проводят так воскресный день, как ты субботний. Им легче. А вот тебе нужно будет помогать.

— Я бы не сказал. Они тоже поставили вопрос о том, чтобы воскресенье было у них выходным днем, чтобы они могли его святить и не заниматься обычными делами. Мы уже нашли в городе женщину, в доме которой время от времени проходят собрания верующих, и втроем, по возможности, приходим туда на богослужения.

— У меня будет к тебе просьба. Узнай, пожалуйста, более подробную информацию о родственниках Вани и Яши, которые проживают в Германии: где именно они живут, сколько их человек, с кем из родственников, проживающих в СССР, они поддерживают отношения.

— А как я им объясню, зачем мне это надо?

— А я тебя научу, как расположить к себе собеседника, как получить от него нужную информацию, чтобы тот ничего не заподозрил, и как выудить необходимые данные, чтобы тот ничего не понял. В жизни тебе это может пригодиться.

Далее последовал интересный курс о том, как строить диалог, с чего начинать, как вывести на откровенный разговор и как добывать нужную информацию. Эта наука меня захватила, и мне было интересно попробовать это на практике.

Наш разговор затянулся. Я недоумевал, почему в кабинет так никто и не зашел, никто не помешал нашему общению. Ведь в это время все солдаты и сержанты находятся в казарме, все чем-то были заняты, решали какие-то вопросы. И обычно в такое время дверь в кабинет командира не закрывалась, туда один за другим заходили офицеры, прапорщики, командиры взводов и сержанты. А сейчас самые важные собеседники — я и мой «тайный друг». Никто не посмел прервать наше общение. Я почувствовал себя значимым, ведь рядом со мной был такой серьезный покровитель. Расставаясь, мы договорились о следующей встрече, подобрав подходящий для этого день и удобное для меня время. Но встреча должна была пройти не в помещении казармы, а в клубе. И, как и прошлый раз, он попросил меня никому о нашем разговоре не рассказывать.

Утром следующего дня, когда наш оркестр вышел играть на построении части, я спросил Ивана, не приходилось ли ему общаться с тем офицером, который вчера приходил в нашу казарму? Он сказал, что с этим офицером он познакомился еще раньше, но так и не понял, кто он и чего от него хотел. Это было один раз и то давно. С того дня они больше не встречались, хотя на территории части Иван его видел. Мне было приятно, что все внимание незнакомец уделял мне, это и понятно, ведь для соблюдающих субботу трудностей в армии больше, поэтому в помощи и защите больше нуждался я. Но о своем знакомстве с тем офицером я Ивану ничего не сказал.

Следующей встречи я очень ждал, мне было интересно общаться с таким важным человеком. Я заметил, как он подъехал к воротам части точно в назначенное время. Дежурившие на КПП солдаты предоставили ему возможность свободно въехать на территорию части, не задавая никаких вопросов. Что это за начальник такой, что с ним так считаются, о его визите заранее предупреждают и его приезда ждут? Значит, ожидал его приезда в нашу часть не только я.

Казалось, не замечая меня, он вышел из машины и быстро направился к входу в клуб. Я зашел за ним следом.

Обычно в это время в клубе было людно, но, к моему удивлению, сейчас там никого не было. Входные двери были открыты, открытым был и кабинет, где мы должны были провести очередную встречу. Уже в кабинете офицер сменил свой строгий вид на дружественный, пожал мне руку и пригласил садиться.

Мы обменялись несколькими дежурными фразами, и разговор снова зашел о моих друзьях, немцах.

— Рассказывай, что тебе удалось узнать о родственниках твоих друзей.

Я немного нового узнал. Пытаясь заводить разговор с друзьями на эту тему, у меня не получалось использовать те приемы, которым меня учил офицер. Я понимал, что данные о родственниках нужны не мне, а манипулировать их сознанием, пользуясь доверием близких людей, мне не позволяла совесть. Поэтому я сказал, что узнал немного, и информация была не намного больше той, которую я поведал ему раньше.

— А что тебе известно о Ване и Яше, не общаются ли они с немецкими инженерами, которые контролируют строительство завода?

Вопрос был неожиданным. Да, этих немецких инженеров я регулярно видел на заводе. Их сразу можно было узнать по форме одежды, по разговору. В руках они носили папки с документами, чертежами. По внешнему виду, по манерам общения было видно, что это иностранцы. Обычно они ходили в паре со своими переводчиками, осматривая помещения и обсуждая какие-то вопросы с начальниками участков и прорабами. С солдатами они, как правило, не общались. Но мне всегда было интересно, смогут ли они понимать немецкий, на котором общались Ваня с Яшей? Похож ли язык моих друзей, выросших на территории России, на язык коренных немцев? Я иногда подталкивал Ивана, чтобы тот просто что-то сказал по-немецки, когда мимо будет проходить инженер. А Ваня почему-то стеснялся и все никак не решался.

— Но ты же слышишь, как они разговаривают, — говорил я Ване, — это такой же язык, на котором ты общаешься с Яшей, или нет? Понимаешь ли ты, о чем они между собой говорят?

— Язык такой же, но акцент немножко другой, — отвечал Ваня. — Родители дома рассказывали, что у нас голландский акцент, а инженеры разговаривают на чисто немецком языке. Но я все понимаю.

Мне очень хотелось, чтобы эти инженеры узнали, что среди солдат Советской армии есть люди, которые тоже знают их язык и могут с ними общаться. Я не раз пытался к этому побудить своего друга, но безуспешно.

Для меня, гражданина СССР, вообще было непонятно, как могли в советской стране находиться граждане ФРГ? Если бы инженеры были из ГДР, это было бы понятно — дружеская страна. А как могли позволить свободно находиться в стране гражданам из ФРГ, тем более руководить строительством такого огромного завода?

Однажды, зайдя после работы в оркестровую комнату, я увидел на столе красочные журналы на немецком языке: Stern, Der Spiegel. Что это за журналы, кто их мог сюда принести? Полистав немного и ничего не поняв, я отложил их в сторону. Когда с работы возвратился Ваня, он зашел в оркестровую и принялся что-то читать, рассматривать.

- Где ты их взял? — поинтересовался я.
- У инженеров, — ответил спокойно Иван.
- Ты что, с ними познакомился? — удивленно спросил я.
- Да, я даже был у них в гостях.

И Ваня начал рассказывать, как все произошло.

Когда он занимался своей обычной работой на заводе, мимо проходил немецкий инженер, сам, без переводчика, и что-то хотел объяснить начальнику участка. Наш начальник никак не мог понять что к чему. Немец начал что-то эмоционально пояснять и показывать руками. На выручку пришел мой друг Иван. Он подошел к начальнику участка и пересказал, что ему хотел пояснить инженер. Последний, повернувшись к Ивану, что-то его спросил, и он ответил ему по-немецки. Удивлению инженера не было предела. Он начал его расспрашивать, кто его научил так хорошо говорить на немецком языке, откуда он родом и что он здесь делает. Вокруг собралась толпа рабочих и солдат, всем было в диковинку посмотреть, как инженер из ФРГ и советский солдат легко общаются и вполне понимают друг друга. В конце беседы инженер пригласил Ивана к себе домой, чтобы ближе с ним познакомиться. Поэтому, закончив работу пораньше, Ваня сразу отправился к нему в гости. А их домики находились в конце воинской части, за специальным ограждением, под круглосуточным наблюдением отдельного взвода охраны. На входе Ваню встретил тот немец и провел его к себе в дом. Сначала инженер расспрашивал его о жизни в Советском Союзе, а потом сам начал ему рассказывать, какие события сейчас происходят в Германии, как проходит объединение двух половинок одной некогда единой Германии, как пала Берлинская стена, как на это реагирует общество и что об этом говорят в мире.

Вечером в оркестровую постепенно стали собираться музыканты для репетиции, а Ваня продолжал рассказывать все новые и новые сведения, которые мы больше нигде не могли узнать. Всю информацию, поступающую из-за рубежа, редактировала советская цензура, поэтому мы не знали, что на самом деле происходило в Европе и мире. А Ваня читал нам статью за статьей, и мы узнавали потрясающие новости из-за

рубежа. В журналах было много красочных цветных фотографий, на которых мы видели огромные площадки, где стояли тысячи автомобилей производства ГДР. Эти машины не пользовались спросом, они уже не соответствовали стандартам Западной Германии, и после объединения двух стран их нельзя было эксплуатировать. Все, что осталось с ними сделать, — отправить на утилизацию. Нам было очень жаль, что такая техника, абсолютно новая, отправляется под пресс, и мы тогда хотели «посоветовать» немецкому автопрому по дешевке продать эти машины нам.

— Не общаются ли твои друзья с немецкими инженерами?

Мне вспомнился вопрос офицера. И этот вопрос мне не понравился. Что ему сказать? Рассказывать как есть? А зачем ему это надо?

Я попытался уйти от ответа. Но мой «тайный друг» был настойчив. И как бы я ни пытался перевести разговор в другое русло, мне это не удавалось. Потом я прямо сказал, что не хотел бы об этом рассказывать.

— Почему вы так настойчиво пытаетесь выведать у меня эту информацию? — спросил я.

— Потому что для меня это важно, — строго ответил собеседник.

— Разве я обязан говорить о том, что не считаю необходимым?

— Да. Ты должен мне обо всем рассказывать, обо всем, что знаешь! Я помогаю тебе, а ты должен помочь мне. Я являюсь сотрудником КГБ. И здесь, на территории части и на заводе, встречаются солдаты и рабочие, граждане Советского Союза, с инженерами из ФРГ. Это прямой канал для антисоветской подрывной деятельности. Каждый из них может быть шпионом, и моя задача — отслеживать и выявлять таковых. Родственники твоих друзей тоже могут быть завербованы, и твои друзья тоже могут быть агентами западных спецслужб. Мы с тобой должны изучить все возможные контакты. Мы должны защитить нашу страну.

Это откровение было для меня шоком. Я смотрел на своего собеседника и не мог прийти в себя. Мне даже не верилось, что этот «тайный друг» мог являться сотрудником КГБ. Как же я раньше об этом не догадался?

В моей памяти тут же всплыл разговор с моим дядей, Иваном Андреевичем Пилипчуком, в день проводов в армию. Он давал мне напутствия и советы, а также говорил о том, что мне могут предлагать сотрудничество с органами госбезопасности, могут соблазнять привилегиями, заботой, предлагать перспективное будущее, лишь бы я стал с ними сотрудничать. И еще он просил меня, чтобы я ни в коем случае не ставил подпись ни на каком предложенном мне документе. Даже на пустом листе бумаги.

У меня сразу испортилось настроение, я был зол на себя. Как я мог так ошибиться в человеке? Как теперь я буду смотреть в глаза своим друзьям? Они мне все рассказывали, как другу, а я....

Мне хотелось уйти, но офицер меня остановил.

— Что тебя так взволновало? У нас же так хорошо все получается. Ты мне уже во многом помог. И я каждый раз интересуюсь у начальства твоей части, все ли у тебя хорошо по службе. Ведь у тебя нет никаких проблем?

— Спасибо, проблем нет. Но я не смогу с вами сотрудничать.

— Но ты же верующий человек, знаешь Библию. А что Библия говорит об отношении к своей стране, к начальствующим? Ты должен нас уважать и выполнять то, что тебе говорят старшие офицеры.

Далее он начал приводить библейские тексты, которые как раз говорят о том, что мы должны заботиться и молиться о благосостоянии наших городов. Я эти тексты хорошо знал, но мои мысли были совсем о другом. Что мне теперь делать? Как разорвать наши отношения? Чем мне это обернется? Я понимал, что легко уйти не получится. А получится ли вообще?

Я начал молиться Богу. Мне приходилось много слышать об этой системе, и у меня появился какой-то страх. Но внутренне я решил не поддаваться ни на какие ухищрения, чего бы мне это ни стоило.

— Разрешите мне выйти, — попросил я.

— Нет, ты не можешь так просто уйти, — ответил офицер. — Мы должны продолжать сотрудничать. Я о тебе уже доложил в Москву, у нас хорошие результаты. Тебя там уже знают, на тебя рассчитывают.

— Извините, но у нас сотрудничества не получится. Я не могу больше с вами встречаться.

— А я что, зря тебя учил? Я постоянно забочусь о твоём благополучии, а чем ты меня благодаришь? И что я скажу своему начальнику? — голос офицера становился все громче.

— Простите, но мне нужно идти.

— Ладно. Успокойся. Все будет хорошо. Не переживай. Тебе это ничем не грозит. Я помогаю тебе, ты помог мне. Давай встретимся через неделю на этом же месте, тогда все и решим. Не захочешь — я тебя заставлять не буду. Но пообещай, что мы с тобой еще раз встретимся.

— Если это будет последний раз, я согласен.

Мы вышли из клуба. Еще долго я не мог прийти в себя. Внутри все горело, я не мог успокоиться. Надо же так попасться! Я же с самого начала

видел, что происходит что-то непонятное. Поведение этого незнакомца должно было меня натолкнуть на мысль, что наши отношения выглядят по крайней мере странно. Даже то, что каждый раз на его кителе я видел разные погоны, должно было обратить мое внимание, что так в армии не бывает. И это внезапное его появление и исчезновение. И то, что он не хотел лично общаться с Ваней и Яшей, а все выпытывал у меня. А как понимать то, что нас никогда никто не тревожил, когда мы могли подолгу общаться в кабинете командира роты или в клубе? И наши встречи на территории части или в казарме, когда он проходил мимо меня, делая вид, что мы незнакомы. А помощь? Какую оказал он мне помощь? Все мои вопросы уже были давно решены задолго до его появления в нашей части. Как можно быть таким наивным?

Эта неделя была для меня мучительной. Но тем не менее мне даже хотелось, чтобы она прошла быстрее, чтобы я скорее встретился с этим сотрудником КГБ для нашего последнего разговора.

Мы снова встретились в клубе. Теперь, находясь возле входа в клуб, я обратил внимание, что машина с офицером подъехала к другим воротам, не к тем, через которые заезжала в прошлый раз. Ворота были высокими, за ними невозможно было ничего разглядеть, разве только внизу ворот колеса подъехавшей машины. Некоторое время я стоял у входа, но никто из машины не выходил. Для меня до сих пор остается загадкой, как офицер мог оказаться в клубе до того, как я зашел туда.

— Как настроение? — бодрым голосом спросил меня офицер.

— Нет у меня настроения, — ответил я.

— Да не переживай ты так. Я никогда не остаюсь в долгу, вот увидишь. Мы с тобой прекрасно понимаем друг друга, ты отлично выполнил все мои задания, тобой довольны в Москве, у тебя прекрасная перспектива!

— Спасибо, но я свое мнение не поменял, я не смогу быть сотрудником КГБ. Я пришел только потому, что мы договорились, что это будет наша последняя встреча.

— Нет, мы так не договаривались. Это ты так хотел, но я тебе ничего не обещал. Мы должны с тобой встречаться, ты должен мне помогать, как того требует Библия. Мы вместе должны защищать нашу страну от внешних и внутренних врагов. А страна о тебе позаботится, ты это увидишь сразу после возвращения из армии домой.

Какое-то отчаяние охватило меня. Ситуация казалась безвыходной. Неужели мне не вырваться из этих цепких лап?

«Господи, сделай что-нибудь, я больше не могу находиться в присутствии этого человека. Дай мне какие-то слова, или повлияй как-то на этого человека», — взмолился я.

— У меня есть документ, который нам сегодня нужно подписать. Это договор о сотрудничестве. Все, что ты делал раньше, не носило официального характера, но теперь все твои заслуги будут фиксироваться, и ты сможешь рассчитывать на покровительство с нашей стороны. Ты будешь в полной безопасности, наша служба это тебе гарантирует, в чем я подпишусь вместе с тобой.

— Нет, нет, — сказал я, — никаких бумаг я подписывать не буду. Мне уже все равно, что со мной будет, но я ничего подписывать не соглашусь.

— Ты вообще представляешь, что ты говоришь? — начал кричать на меня офицер. — Как это «не буду»? Я что тебе, мальчик, приезжать сюда каждую неделю, уговаривать тебя? Я доложил по всем инстанциям, что здесь идет работа, есть человек, который прошел обучение и выполняет все указания сверху. Что мне теперь говорить своему начальству? Ты за кого меня принимаешь?

Я молчал. А офицер через некоторое время сменил интонацию и продолжил:

— Ты понимаешь, как ты меня подставляешь? За что ты так со мной? — жалобным голосом спросил офицер.

Такого поворота событий я не ожидал.

— Вот скажи, что я тебе сделал плохого? Я тебя чем-нибудь обидел?

— Нет.

— А в случае твоего отказа меня ждут большие неприятности. Из-за тебя. Чего ты так ко мне относишься?

Наступила немая пауза... Во мне смешались чувства гнева, вины, жалости, негодования...

— Прошу прощения, но если бы я сразу понял, с кем я встречаюсь и что мне невольно придется стать сотрудником КГБ, я бы на это никогда не согласился, — сказал я через некоторое время.

— А я не знаю, что теперь буду говорить моему начальству. Я бы хотел, чтобы ты с ним лично встретился и отказался от сотрудничества с нами в его присутствии. Давай увидимся на следующей неделе.

— Я считал, что наша сегодняшняя встреча и будет последней, поэтому на нее согласился. Но больше я ни за что ни на какую встречу не приду. Чего бы это мне ни стоило.

— Я тебя прошу. Давай встретимся еще раз. Если не передумаешь и все-таки откажешься сотрудничать, то это точно будет последняя наша встреча. Я тебе обещаю. Только никому ничего не рассказывай. Встречаемся здесь же. В то же время.

Я опять согласился...

Следующая неделя тянулась неимоверно долго. Каждый вечер, ложась отдыхать, я думал только об этом. И просыпался с той же мыслью. Меня ничего не радовало, мне не хотелось ни с кем общаться. Быстрее бы начался тот день, быстрее бы прошла эта неделя, быстрее бы прекратились эти мучения...

Когда я подошел в назначенное время к клубу, возле входа стояла машина. Не та, на которой обычно приезжал мой «тайный друг». Я понял, что меня уже ждут. Войдя в коридор, я увидел, как открывается дверь кабинета и меня приглашают войти. Входя, я пытался закрыть за собой дверь, но мне сказали, чтобы дверь оставалась открытой, а я проходил и садился за стол. Мне навстречу поднялся незнакомый человек в военной рубашке, но без кителя. Погода была прохладной, и я удивился тому, что этот чиновник сидел в одной рубашке. Сев за стол, я обратил внимание на открытую дверь, за которой на вешалке висел китель, и краем глаза я заметил погон, на котором красовалась большая звезда. Открытая дверь закрывала китель, и мне был виден только край погона, поэтому я не знал точное количество звезд на погоне, но понял, что передо мной сидит очень важный человек, который пожелал скрыть от меня свое высокое воинское звание. На столе лежал чистый лист бумаги и ручка.

Мой «тайный друг» представил меня своему начальнику, а сам сел в сторонку. Вид начальника был суровым, и говорил он лаконично и строго. Сначала расспросил о моей службе, поинтересовался делами моих друзей, а затем перешел к делу. Он мне прямо сказал, что доволен моим сотрудничеством с поставленным надо мною офицером, перечислил выполненные мною задачи и пересказал в деталях то, что я когда-то рассказывал моему «тайному другу». Мне было неприятно это слушать. Ведь то, что мне рассказывали мои друзья, доверяя мне, я, сам того не подозревая, распространил далеко за пределы нашей воинской части. Я почувствовал себя предателем. Затем этот чиновник положил на стол Библию и начал открывать место за местом, где говорилось о покорности власти, о том, что всякая власть от Бога, о важности послушания в жизни христианина и примере Иисуса Христа в подчинении власти того

времени. Получилась неплохая проповедь, но, слушая ее, я все более и более погружался в состояние невыносимой душевной муки.

Мой собеседник продолжил рассказывать о перспективе сотрудничества с органами безопасности, о моих выдающихся качествах и о том, что из меня выйдет классный специалист. Затем, не называя фамилий, он начал говорить о людях, которых я должен был хорошо знать, которые согласились работать в их структуре, они всем обеспечены и довольно хорошо себя чувствуют. Он даже рассказал о том, что дом, где мы проживали с семьей, будет тесен, когда я вернусь из армии и создам семью. А в ответ на мое согласие продолжать сотрудничество с госбезопасностью по возвращении из армии меня будет ждать собственная трехкомнатная квартира. Говорил он серьезно, и я понимал, что это не шутка, это реально. Мне даже стало интересно, кто же эти хорошо мне знакомые люди, являющиеся агентами КГБ, но об этом я мог узнать только после того, как подпишу листок бумаги, лежащий на столе.

Наша беседа протекала в спокойной обстановке, без лишних эмоций. Но для меня такая манера общения была невыносимой. Было видно, что у этого человека безграничные возможности, и он всегда делал то, о чем говорит. А у меня в голове звучала только одна мысль: не подпиши, ни в коем случае не подпиши! Я пытался держать себя в руках, хотя моральное давление было на пределе. Я боялся не потерять контроль над собой и не сделать чего-то непоправимого. Тут подключился к беседе и второй офицер, подсев поближе ко мне. Я оказался зажатым в углу и физически, и морально, и только молился, чтобы Господь помог все перенести и не поддаться на их уговоры.

После часа невероятно тяжелой психологической нагрузки мне уже стало все равно, что сейчас будет и чем все закончится. Я уже был готов на все. Но после очередного предложения подписать чистый лист бумаги Бог явил чудо, во мне как будто бы что-то проснулось. Я стал четко воспринимать происходящее, взял себя в руки и начал отвечать на их предложения уверенно и категорично. Откуда-то взялась смелость, и я решительно заявил, что разговор со мной — бесполезная трата времени и что я ни на каких условиях никаких бумаг подписывать не буду. Это мое взвешенное и окончательное решение. Я не переживаю, что со мной будет дальше, и все отдаю в Божьи руки.

Старший офицер больше не стал меня уговаривать и позволил мне выйти из кабинета. Оказавшись на улице, я куда-то шел, оглядываясь и ожидая, что за мной кто-то идет и со мной сейчас что-то случится.

Но ни в этот день, ни в последующие дни меня никто не тревожил, и я начал постепенно отходить от той ужасной для меня беседы. То действительно была наша последняя встреча. Мой «тайный друг» свое слово сдержал.

Так и не удалось меня тогда завербовать соответствующими органами. Но пришло время, когда я добровольно согласился на сотрудничество с другой властью — вселенской. Я посвятил себя на служение моему Богу, Который во все дни моей службы был моим настоящим Покровителем. И когда Господь призвал меня на пасторское служение, я согласился безоговорочно. И до сего дня рад тому, что моя жизнь посвящена служению Богу и обществу, в котором я живу.

Александр Лукашевич-Слюсарский, г. Днепр, Украина

ОСТАВАЯСЬ ВЕРНЫМ БОГУ И ЕГО ЗАКОНУ

Меня призвали в армию в ноябре 1973 года. Все два года я прослужил в Ижевске. Перед отправкой в часть мы, призывники, должны были пройти медкомиссию. Для этого нас привезли в п. Чимишлии, Молдавия. Все, кто был призывником, помнят, что в военкомате всех новобранцев приглашали в ленинскую комнату, где задавали самые разные вопросы, а также спрашивали, кто является комсомольцем, а кто нет. Тех, кто не был комсомольцем, едва ли не принуждали вступать в эту организацию. И подавляющее большинство соглашалось. Такое же «собеседование» предстояло пройти и мне.

— А ты почему не комсомолец? — спросили меня.

В тот день в зале был человек из моего села Гура-Галбеней, который отвечал за призывников, и он поспешил ответить за меня: «Он верующий, сын пресвитера Церкви адвентистов седьмого дня. Так что он не станет комсомольцем».

Представитель военкомата, майор, обратился ко мне: «Если бы ты был комсомольцем, то я бы послал тебя в строевые войска, престижные. Ты высокий, здоровый. А если не хочешь стать комсомольцем, то ждет тебя только стройбат, то есть только кирка и лопата». И прямо перед всеми, взяв карандаш красного цвета, написал крупными буквами на обложке моего личного дела: «адвентист». Когда мы ходили по кабинетам с этой карточкой, в одном кабинете сидели две девушки. Когда они увидели мое личное дело, они не поняли, что написано, и спросили у офицера, что это значит — адвентист? Офицер объяснил, что я верующий, член Церкви адвентистов седьмого дня. Они посмотрели на меня с такой иронией и сказали мне: «Неужели

ты, живя в наш просвещенный век, веришь в Бога, когда люди летают в космос и никакого Бога не видели?» И это был повод, чтобы я стал им проповедовать.

Начал свой разговор с вопроса: «А вы знаете, на какое расстояние от орбиты Земли поднимаются космонавты?» И сам же отвечаю: «На 300 километров, и летают вокруг планеты. А самая близкая к нам звезда находится на расстоянии четырех световых лет. То есть свет, у которого скорость 300 000 км/с, преодолевает это расстояние за четыре года. Расстояние же до некоторых других звезд измеряется миллиардами световых лет. Астрономы отмечают точные законы, по которым вращаются звезды, системы, планеты. А могут быть законы без Законодателя? Могут ли появляться советские законы без советского правительства? А разве космонавты побывали везде во Вселенной и абсолютно точно убедились, что Бога нет?» Они с удивлением слушали, и у меня была возможность делиться своими знаниями из Библии.

Потом нас отправили в Кишинев, а оттуда на поезде к месту службы — в Удмуртию, в Ижевск.

Вначале я попал в учебную часть. Там все уже знали, что я верующий. Ответственные офицеры мне говорили: «Мы ничего не будем делать против тебя, разберутся с тобой в части, куда распределят».

Спустя некоторое время нас отправили в воинскую часть. Меня направили работать на автозавод, где выпускали легковые автомобили «ИЖ Москвич». Погода была холодная, дни короткие, солнце заходило в 16:00, а мы работали нашу смену до 18:30. Всю неделю меня мучил вопрос: «Я в субботу не работаю, а как же в пятницу с 16:00? Ведь они скажут, что я не работаю еще и в пятницу». Я думал и молился, но никакого варианта для объяснения ситуации не мог найти. Тем временем приближалась пятница. И в этот день словно сила Божья и смелость вошла в меня. Я отложил инструменты, всякий страх пропал, и я ушел в бытовку. Ко мне подошли один мой сослуживец и командир отделения. Они начали спрашивать: «В чем дело?» Я им начал проповедовать о том, что написано в Библии. На что мне твердо сказали: «Тебе здесь не дом, где как хочешь, так и поступаешь, здесь армия, и тебя заставят работать». Естественно, обо всем было доложено командованию. Я стал ждать, что будет дальше.

Утром в субботу никто ничего мне не сказал. Всех построили, приказали сесть в машины и отправиться в путь. Я понял, что если буду сопротивляться, то меня силой посадят в машину. Я вспомнил в этот